

К ВОПРОСУ О ПРЕБЫВАНИИ А. С. ПУШКИНА В ФЕОДОСИИ

Андрейко Е. В., аспирантка кафедры русской и зарубежной литературы

Робота охоплює один із маловивчених період в біографії О. С. Пушкіна – перебування поета в м. Феодосії 17 серпня 1820 року. На основі архівних матеріалів та мемуарів постає картина міста в першій половині ХІХ ст; зазначається, що міг побачити поет, чим зацікавиться. Наводиться раніше не досліджування пушкіністами біографія градоначальника М. У. Перовського та начальника митниці П. В. Гаевського, також аргументовано пояснюється, чому їх зустріч з О. С. Пушкіним була можливою.

The author of the article studies the visit of Aleksander Pushkin to Feodosia on 17 August 1820, which is a poorly investigated period in poet's life. The author uses a broad archival materials and memoirs in order to reconstruct the image of the Crimean town in the early 19th century. This helps to find out how Feodosia appeared to the poet and what impression it might make to him. The biographies of the two 19th century town officials, the mayor N. I. Perovsky and the head of the custom office P. V. Gayevsky, which were unknown to the previous researchers, contribute to the study considerably. The author attempts to prove that it is highly probable that a meeting between the poet and the officials mentioned above took place while Pushkin's visit to the town.

Поздним вечером 16 августа 1820 г. Раевские и Пушкин прибыли в Феодосию и остановились на даче у С.М.Броневского¹, бывшего градоначальника [1,с.223].

В пушкинистике существует традиция считать пребывание поэта в Феодосии малоинтересным и малозначительным эпизодом. А.Маркевич писал: "Подобно Керчи, и Феодосия, в которой останавливались Раевские на пути в Гурзуф, не произвела сильного впечатления на Пушкина" [2,с.30]. А.Л.Бертъе-Делагард утверждал, что "в Феодосии им (Раевским и Пушкину – Е.А.) нечего было делать" [3,с.29]. М.Выгон, автор одного из самых популярных современных путеводителей по пушкинскому Крыму, отмечал: "Феодосия показалась Пушкину скучной" [4,с.22]. Хотя у самого поэта такой оценки мы не находим.

Общая неразработанность данного вопроса зачастую приводит к ошибкам или неверному комментированию. Так, в путеводителе "Пушкинские места" мы находим следующее утверждение: "... лишь одно слово в письме (письмо Пушкина Дельвигу – Е.А.)

"Кефа" – указывает на то, что поэта привлекала история города и он верно понял, что от античности здесь ничего не осталось (...), что Кефа – памятник средневекового Крыма" [5,с.29]. Между тем, Пушкин просто упоминает официальное название города. По указу императора Павла I новый, русский, город, выросший на месте древней Феодосии-Кафы стал именоваться Кефой [6,с.71]. Именно такое название встречается в делопроизводстве первой половины XIX в. Примечательно, что другое название – Феодосия – употреблялось иногда в устной речи и литературных произведениях, например, в воспоминаниях В.Б.Броневского.

Анализ мемуаров путешественников, посещавших Кефу в указанный период, доказывает, что город вовсе не был малоинтересным. Наоборот, Кефа была довольно привлекательна для туристов: несмотря на то, что генуэзские и татарские постройки методично уничтожались, город все же сохранял остатки былого великолепия². "Судите о богатстве кефских развалин по тому только, что мрамор, сапфир и яспа сияют еще в комнатах нынешних жителей: что каждый день солдаты похищают кипарис и пальму из оставшихся зданий, чтобы из них разводить огонь в казармах; что здешнему жителю иногда надобно только прибавить к каменным стенам одну

¹ В рассматриваемую нами эпоху были известны несколько человек, носящих такую фамилию, отчего впоследствии часто происходила путаница. Феодосийский градоначальник Семен Михайлович Броневский. Автор "Обозрения Южного берега Тавриды в 1815 г." – Владислав Богданович Броневский. В документах также упоминаются Семен Богданович Броневский, государственная деятельность которого протекала в Восточной Сибири, и Николай Богданович Броневский. Последние два отношения к Крыму в описываемый нами период не имеют.

² К сожалению, подобное варварское отношение к историческому наследию-характерная черта крымской действительности прошлого столетия. Так, по свидетельству Г.В.Геракова, в первом десятилетии XIX в. "древние стены", мешавшие строительству "гульяня" на берегу моря градоначальник "сломал". Об этом подробно рассказывает Ф.Ф.Вигель: "... Генерал от инфантерии Феньш (...) ничего лучше не придумал, как выпросить из казны огромные суммы, раздать их заимообразно жителям и склонять их к строению домов. Все старое принимался он разрушать, а каменья раздавать даром (...). Через несколько лет городу сему дана, наконец, та пошляя физиономия, которую нашел я в нем". А в Бахчисарае, непосредственно перед приездом поэта, разобрали большое количество построек, поврежденных временем.

легкую пристройку, чтобы иметь дом готовый" [6,с.71]. Таким был город в самом начале XIX в. А вот что увидел в Кефе В.Б.Броневский в 1815 г.: "... тот город, для украшения коего нынешние генуэзцы не щадили своих богатств, ныне являет печальную картину разрушений. Драгоценные мраморы, порфир и камни с гербами вельмож генуэзских заделаны в стены ничтожных домов армян и татар. Феодосия не представляет и малых следов великолепия, развалины древней Кефы уже более не существуют, новый город, по плану строемый, мало-помалу истребляет остатки старого (...) Из остатков древних зданий, уцелевших в Феодосии, заслуживает внимания большая баня. Хотя сие строение относится к татарской эпохе, взор удивлен смелостию куполов, висящих над обширными отделениями разных комнат. Подле бани находится в половину разобранная огромная турецкая мечеть, перестроенная из греческой церкви, которая теперь опять обращается в соборную церковь (...) Набережная и одна улица имеют весьма приятный вид. Смесь азиатской архитектуры с европейскою представляют нечто необыкновенное." [7,с.135-136].

А.С.Грибоедов, посетивший Кефу пять лет спустя после Пушкина, также отмечал своеобразие этого города. Его внимание привлекла "чудная смесь вековых стен прежней Кафы и наших однодневных мазанок" [8,с.538]. Г.В.Гераков и И.М.Муравьев-Аpostол обратили внимание на карантин-строение, без сомнения, важное, особенно после чумы 1812 года, унесшей жизни тысячи жителей Крыма.

Однако, думается, такие новостройки Кефы, как карантин, казармы и новые трактиры, фигурирующие в воспоминаниях многих путешественников, Пушкина оставили равнодушным. А вот развалины ханского дворца, построенного Шагин-Гиреем, и монетный двор, находившиеся неподалеку от дачи С.М.Броневского, вполне могли заинтересовать поэта.

Весьма любопытные сведения об этих постройках сообщает Жильбер Ромм, побывавший в Крыму в 1786 г.: "Мы посетили монетный двор. Он расположен подле дворца, который хан строил себе на берегу моря и который так и остался незаконченным. Машины, прессы для чеканки и здания фабрики принадлежали хану" [9,с.48]. Князь Г.А.Потемкин возобновил работу этого монетного двора, где стали чеканить серебряные и медные монеты с изображением Екатерины и надписью: "Царица Херсонеса Таврического".

Следует отметить еще одно, на наш взгляд, весьма существенное обстоятельство. Дом С.М.Броневского был расположен так, что "с крыльца сего мирного убежища залив, покрытый купеческими судами, и город с прелестными своими окрестностями представляются с наилучшей их стороны" [7,с.139]. Таким образом, Раевские и Пушкин могли составить представление о Феодосии, даже не посещая ее. Тем более, что их собеседник и радушный хозяин - бывший градоначальник и страстный исследователь Крыма - не мог не рассказать о достопримечательностях Кефы, в частности о городском музее (музее).

Этот музей, о котором упоминают практически все путешественники, открытый в 1811 г., был детищем С.М.Броневского. Именно он начал собирать фрагменты старинных барельефов и другие "редкости", спасая их таким образом от уничтожения. Маловероятно, чтобы С.М.Броневский не поведал об этом своим гостям, тем более что в музее было на что посмотреть. "Все любопытные камни, барельефы и мраморы с надписями греческими и генуэзскими сохраняются в особенно учрежденном для сего предмета музеуме, заключающем сверх того древние медали, обломки статуй, ваз, ламп и две большие глиняные амфоры (...) В числе медалей есть греческие, римские и босфорские: золотая медаль Лизимаха и серебряная Александра Великого (...) Из надписей, прочитанных и переведенных, любопытна следующая, писанная на эллино-греческом языке на мраморном пьедестале: "Ксенокрита, жрица Цереры, посвящает сие богине за здравие дочери ее Димитрии". На пьедестале виден глубокий отпечаток ноги, где стояла статуя, которой не могли отыскать" [7,с.137-138].

В 1818 г. музей посетил Александр I. Его адъютант, сопровождавший императора в поездке по Крыму, описывал музей следующим образом: "Музей можно разделить на две части; в одной хранятся вещи, найденные в Феодосии, а в другой предметы, которые поступили из разных мест. Первые состоят почти все из мраморных досок с надписями и гербами Генуи и различных дворянских фамилий сей республики. Также есть несколько ваз, (...) они совершенно подобны тем, которые видны в погребах Помпеи. Любопытно, что начальником сего отделения музеума был один генуэзец (...) Другая часть музеума состоит из небольших статуек (...) подаренных разными лицами, из нескольких десятков медалей и мраморных досок, привезенных из Анапы..." [10,с.96]. Тогда музей располагался в небольшой каменной мечети, оставленной турками, впоследствии перестроенной под лютеранскую церковь. Смотритель музея, о котором упоминает мемуарист, - первый городской голова, генуэзский дворянин

Г.Галлера. О нем упоминает также И.М.Муравьев-Апостол, отметивший, что карты и планы Феодосии были предоставлены ему "жителем города сего, господином Галлсрою, коего познания о Тавриде, особенно относительно к временам, когда соотчики его генуэзцы обладали Каффою, занимательны столько же, сколько общество его привлекательно по вежливости и образованности, коими он отличается" [11,с.Х,предисловие].

То, что Раевские и Пушкин не осматривали Феодосию, в пушкинистике стало чуть ли не аксиомой. Главным аргументом сторонников такой точки зрения является тот факт, что поэт в письмах не упоминает об осмотре этого города. Принято считать, что, поскольку дача Броневского располагалась за городской чертой, у его гостей после утомительной дороги вряд ли возникло желание совершить экскурсию в Кефу, да еще в такую жару. Гераков, находившийся в Феодосии 17 августа и посетивший в тот день дачу Броневского, отмечал: "Жар сего дня был нестерпим" [12,с.121].

Однако с "аксиомой" маститых исследователей можно и спорить. То, что в письмах поэта не описана Феодосия, еще не доказательство, что он там не был. Симферополь, например, им вообще не упоминается, хотя доподлинно известно, что он провел там несколько дней. К тому же расстояние от дачи до города составляло всего около двух верст, и преодолеть его, даже при некоторой усталости, не составляло труда, что подтверждают мемуары Геракова.

Таким образом, с определенной долей вероятности, можно предположить, что Раевские и Пушкин выбрались осмотреть город. В таком случае они наверняка обратили внимание на две действующие церкви: соборную церковь Св.Александра Невского и греческую Святовведенскую. Других действующих христианских храмов в Феодосии тогда не было.

Первая располагалась в древнем здании бывшей греческой церкви Св.Николая, лишь немного переделанном. Согласно "Формулярным ведомостям" за 1819 г., в ней служили: протоиерей Наум Иванович Славинский, священник Иван Афанасьевич Вариони, рукоположенный в дьяконы в 1810 г. митрополитом Хрисанфом (в рассматриваемое нами время являвшимся настоятелем Георгиевского монастыря), стихирный дьячок Филипп Васильевич Ботвиновский.

В греческой Святовведенской церкви, расположенной также в весьма древнем и интересном в архитектурном плане здании служба велась на греческом языке. Из тех же "Формулярных списков" нам известны имена служителей: протоиерей Иоанн Константинович Лафаки, дьячок Георгий Дмитриевич Гаврилов, пономарь Ефрем Дмитриевич Гаврилов [13,л.39 (об)-44].

Но прогулялись Раевские и Пушкин по древней Кефе или нет, они наверняка общались с некоторыми представителями феодосийского общества, о которых стоит вспомнить.

Феодосией управляли две властные структуры: гражданская, которую возглавлял градоначальник (о нем речь пойдет ниже), и военная, которую возглавлял комендант Сириоти, "израненный майор, бывший кадетом в греческом корпусе", по словам Геракова, "с некоторыми сведениями и остр" [12,с.121]. Весной-летом 1820 г., после отставки градоначальника Ф.И.Енгеля³, он исполнял и обязанности высшего гражданского должностного лица в городе. Сириоти наверняка нанес визит высокопоставленному и знаменитому гостю - генералу Н.Н.Раевскому.

Итак, мы привели имена тех, кто вполне мог встретиться с нашими путешественниками, даже если они не покидали дачу. Но можно назвать, по крайней мере, двух человек, общение Пушкина с которыми еще более вероятно.

Г.В.Гераков писал: По сильным убеждениям согласились разделить трапезу нового градоначальника Г.П-го... После обеда на шлюпке градоначальника ездили к Броневскому... У Броневского застали Н.Н.Раевского с дочерьми и больным сыном. Распростясь с философом-хозяином, поехали к П-му" [12,с.121-123].

"Градоначальник Г.П-й" – это бывший Таврический вице-губернатор, а в будущем, после смерти А.Н.Баранова, – губернатор Николай Иванович Перовский. Трудно представить, что Н.И.Перовский, посадив Геракова на шлюпку, сам остался в городе ждать его возвращения. Все указывает на то, что он был тогда на даче С.М.Броневского и, вероятно, встречался с поэтом. Поскольку имя Н.И.Перовского практически неизвестно исследователям, думается, следует побольше рассказать об этом человеке.

Николай Иванович Перовский родился в 1785 г. и был старшим незаконорожденным сыном графа А.К.Разумовского и М.М.Соболевской (Денисьевой). К слову заметим, что все

³ Тайный советник статс-секретарь и кавалер Федор Иванович Енгель, оставив пост градоначальника весной 1820 г., проживал с семьей в Феодосии.

последующие дети этой пары получили отчество от имени отца. В царствование Александра I графу удалось всех их приписать к дворянству и дать фамилию Перовские от подмосковного имения Перово. Н.И.Перовский воспитывался в доме своей тетки Н.К.Загряжской. В 1799 г. поступил на службу в коллегию иностранных дел студентом и причислен к Константинопольской миссии, а через два года Высочайшим указом пожалован в переводчики. В январе 1802 г. перемещен к Венской миссии, а год спустя – к Дрезденской миссии. В 1805 году отправлен был при посольстве графа Ю.А.Головкина в Китай. В числе семи дворян посольства был и Ф.Ф.Вигель. В марте 1807 г. Н.И.Перовский был определен в Сумской гусарский полк корнетом, отличился в сражении и был пожалован орденом св.Анны 3 степени. Но, видимо, военная служба не привлекала его, и вскоре он вернулся в ведомство коллегии иностранных дел в чине коллежского асессора. В 1810 г. произведен в надворные советники. В 1811 г. по Высочайшему указу был отправлен к Херсонскому военному губернатору для иностранной переписки. Герцог де Ришелье назначил Н.И.Перовского секретарем по гражданским делам. В сентябре того же года Николай Иванович в составе свиты М.Н.Нарышкиной (фаворитки Александра I) путешествовал по Крыму. Во время этой поездки он познакомился со своей будущей женой-Шарлоттой де Салли (по другим источникам Шарлоттой Петровной Володкович), одной из компаний М.Н.Нарышкиной. В апреле 1812 г. Н.И.Перовский перешел на службу в ведомство министерства финансов и был определен в чиновники государственной канцелярии, а в ноябре того же года был включен в состав знаменитой "Комиссии о составлении законов". По Высочайшему указу пожалован в коллежские советники в 1814, а через год был отправлен в Амстердам для контросигнирования частных облигаций по Голландскому займу. Выполнив поручение "с желательным успехом", в мае 1816 г. вернулся на родину. При новом образовании "Комиссия о составлении законов" остался за штатом. Высочайшим указом от 1817 г. Н.И.Перовский в чине статского советника был назначен Таврическим вице-губернатором, а 25 мая 1820 г. занял пост феодосийского градоначальника с сохранением прежней должности. В том же году был пожалован орденом св.Владимира и получил чин действительного статского советника.

И.М.Муравьев-Апостол, посетивший Крым осенью 1820 г., отмечал, что "начальник Феодосии" был коротко знаком с А.М.Бороздиным и запросто приезжал в Кучук-Ламбат. Супруга А.М.Бороздина была сводной сестрой Н.Н.Раевского-старшего, и многие исследователи полагают, что Раевские и Пушкин, будучи в Гурзуфе, не раз бывали в этом имении Бороздиных.

Два года спустя после рассматриваемых нами событий Н.И.Перовский занял должность Таврического гражданского губернатора, продолжая оставаться и феодосийским градоначальником. К 1822-1823 гг. относится его знакомство с К.Н.Батюшковым, который жил в то время в Крыму и лечился у доктора Ф.К.Мильгаузена. Губернатор окружил больного поэта заботой и вниманием, а затем со своим личным врачом отправил его в Петербург. В 1824 г. Н.И.Перовский взял годовой отпуск и по истечении этого срока к прежней должности не вернулся, а остался в Петербурге и был причислен к коллегии иностранных дел. Однако вскоре он вышел в отставку и поселился в Крыму, где ему принадлежали имения Киль-Бурун Симферопольского уезда, Приморское и Степное, при которых числилось 70 душ крестьян.

Отношения Н.И.Перовского с могущественным начальником Юга России были весьма натянутыми. Об этом упоминает П.И.Бартенев: "В царствование Александра Павловича графу С.М.Воронцову трудно было сместить его (Перовского-Е.А.)".

В кильбурунском имении Перовского часто останавливались путешественники. Так, маршал Мармон герцог Рагузский с удовольствием вспоминал об оказанном ему приеме.

Умер Н.И.Перовский 22 апреля 1858 г. Старший сын его, Лев Николаевич, родившийся в 1816 г., был губернатором Санкт-Петербурга с 1865 г. и членом Совета министра внутренних дел (1866-1890). Дочь Л.Н.Перовского Софья – известная революционерка. Младший сын Н.И.Перовского Петр Николаевич, родившийся в 1818 г., был генеральным консулом в Генуе [14,с.550-551;15,с.481;16,л.38-38(об)].

Не исключено, что на дачу Броневского приезжал и начальник Феодосийской портовой таможни Павел Васильевич Гаевский-фигура заметная в городе, так как в описываемый нами период Феодосия была прежде всего торговым портом, самым крупным в Крыму. "Умный, весьма чванливый, к тому же великий хлебосол", – так отзывался о нем Ф.Ф.Вигель [17,с.166].

П.В.Гаевский был новым человеком в феодосийском обществе: свою должность он получил весной 1820 г., а до этого назначения служил управляющим Киевской складской таможни. Он

мог быть знаком с Н.Н.Раевским-старшим еще в Киеве, так как известно, что генерал командовал четвертым корпусом 2-й армии, главная квартира которого располагалась в Киеве. Думается, не случайно 29 мая 1820 г., проезжая Мариуполь, на почтовой станции Безыменная, Раевские и Пушкин завтракали в обществе жены П.В.Гаевского Елены [1.с.214].

В 1820 г. П.В.Гаевскому было 44 года. Он получил хорошее образование, "обучался российскому, латинскому и итальянскому языкам" в Полтавской семинарии, однако вследствии выбрал военную карьеру и поступил в Черноморский кадетский корпус. Выпускные экзамены у него принимал вице-адмирал Ф.Ф.Ушаков. В 1798 г. П.В.Гаевский принимал участие в знаменитом морском сражении у острова Корфу, находясь на корабле "Святой Петр", которым командовал капитан первого ранга Синявин. "По возвращении в российские порты приказом главнокомандующего Черноморской флотилией адмирала фон Дезина был назначен командиром на судно "Галет" для отвоза к флоту депешей". Потом служил "при адмирале" адъютантом и управляющим канцелярией. "В течение службы мичманом ежегодно был экзаменован, и всегда аттестован к повышению чина, и на открывшуюся вакансию Высочайше пожалован лейтенантом 1802". В 1803 году перевелся на Балтийский флот, но вскоре уволился со службы и "по желанию Таганрогского военного губернатора Дацкова определен к нему правителем канцелярии". "За отличное усердие, оказанное в дознании и приумножении пошлинных сборов по таганрогской таможне, за преграждение путей к подлогам и злоупотреблениям, от чего и сборы пошлин увеличил (...) Высочайшие пожалован надворным советником (...) по особенному доверию местного начальства составленный (...) проект для биржевого действия таганрогской таможни относительно досмотра товаров вводил в действие (...) свидетельствуя товары (...) имел вообще надзор за движением биржи (...) от чего сделала таможня приращения более 300 тысяч рублей". За примерную службу получил благодарность от императора и денежное вознаграждение, однако вскоре был вынужден оставить службу, так как его покровителя Дацкова перевели в Петербург, в правительствувший Сенат. В 1808 году "главнокомандующим Молдавскою армией князем Прозоровским был призван на службу, определён экспедитором (...) военно-походной канцелярии (...) и помощником правителя канцелярии". Прослужив десять месяцев, был уволен "по болезненным припадкам". В 1811 г. П.В.Гаевский "по особому вызову главнокомандующего 2-ю Западною армией князя П.И.Багратиона" вступил в управление походной канцелярии и "секретными делами". В 1812 г. по ходатайству князя П.И.Багратиона пожалован орденом св.Анны второго класса. Главнокомандующий "был свидетелем ежедневному расстройству здоровья (...) уволил от должности директора канцелярии и приказал выдать годовое жалование и столовые деньги для преподания способов к выгодному проезду на Кавказ (...). Получив малейшее облегчение в болезненных припадках" П.В.Гаевский отправился в Петербург, где занял должность начальника отделения в департаменте финансов и государственных имуществ. Однако и эту должность он вскоре вынужден был оставить, ибо северный климат не благоприятствовал выздоровлению. В январе 1820 г. Гаевский был определен управляющим Киевской складской таможней, а 22 апреля "назначен к управлению феодосийской складочной таможней" [18.л.49-53(об)].

Примечательно, что Гаевский был в числе подписчиков первого посмертного издания собрания сочинений Пушкина, вышедшего в 1838 г.[19].

На рассвете 18 августа Пушкин покинул Феодосию. Последнее, что он мог там увидеть, был торговый порт, гораздо крупнее керченского. Ведь феодосийские купцы вели дела с Турцией, Грецией и другими причерноморскими государствами. Перед глазами поэта предстала примерно такая картина. У причалов кипела работа. Швартовались суда из Мингрелии, из городов "Самсона, Трапезонда, Триполи, Константинополя", груженные табаком, маслинами, пряностями, лимонами, халвой, шелками, кожей, посудой. Рабочие перетаскивали бочки с вином, мешки с мукою, пшеном, финиками, изюмом. Купцы, не имевшие собственных кораблей, скупали товар прямо у причалов и грузили в свои пакгаузы. На судах прибывали нелегальные эмигранты-греки, бежавшие в Россию от турецкого произвола [20]. Пожалуй, это был самый крупный морской порт, увиденный Пушкиным в 1820 году, и трудно представить, что впечатление от него быстро сгладилось.

Литература

1. Летопись жизни и творчества А.С.Пушкина:1799-1826. Составитель М.А.Цявловский.-Изд.2-е, испр. и доп.-Л.: Наука, 1991.
2. Маркевич А. А.С.Пушкин и Крым // ИТУАК. № 30, 1899.
3. Бертье-Делагард Л.А. Память о Пушкине в Гурзуфе. Отдельный оттиск из издания "Пушкин и его современники", вып.XVII-XVIII.-Сиб,1913.
4. Выгон М. Пушкин в Крыму.-Симферополь:Таврия, 1974
5. Пушкинские места. Путеводитель. Сост. Н.А.Тархова.-М.:Профиздат, 1988.- ч.2.
6. Путешествие в полуденную Россию Владимира Измайлова.-М.:1805.-ч.3.
7. Броневский В. Обозрение Южного берега Тавриды в 1815 году.-Тула, 1822.
8. Грибоедов А.С.. Сочинения.М.: Гос.изд-во худ.лит, 1953.
9. Жильбер Ромм. Путешествие в Крым в 1786 году.-Л.:Изд-во ЛГУ,1941.
10. Из воспоминаний Михайловского-Данилевского 1818г. Сообщил Н.К.Шильдер// "Русская старина".-июль1897.
- 11.Муравьев-Апостол И.М. Путешествие по Тавриде в 1820 го-де.-Спб.:1823.
- 12.Гераков Г.В. Путевые записки по многим Российским губерниям.Про-должение. Спб.:1830.
- 13.Государственный архив Автономной республики Крым (ГААРК).-Ф.118.-ОП.1.-Д.5092. Л.39(об)-44
14. Русский биографический словарь.-Сиб.:1902.
15. Из воспоминаний графа Рошешуара// "Русский архив".-1890, № 4.
16. ГААРК.-Ф.49.-ОП.1._Д.6632.
17. Записки Ф.Ф.Вигеля. Издание "Русского архива", М.:1893. ч.7
18. ГААРК.-Ф.221.-ОП.1.-Д.131.
19. ГААРК.-Ф.327.-ОП.1.-Д.2831
20. ГААРК.-Ф.45.-ОП.1.-Д.728